

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 811.161.1

О. И. Блинова, А. С. Разина

ДВУСЛОВНЫЕ ФИТОНИМЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

В лингвокультурологическом аспекте рассматривается редкая группа фитонимов сибирских говоров, представленная сложными словами, компоненты которых соединены посредством дефиса.

Ключевые слова: *сложные фитонимы, народная речевая культура.*

Одна из актуальных и малоразработанных проблем современной лингвокультурологии – проблема народной речевой культуры (НРК). Средством выражения НРК является диалектный язык на разных языковых уровнях: лексико-семантическом, фонетическом, грамматическом.

Начиная с работы Н. И. Толстого, выделившего типы речевых культур, в том числе тип НРК [1], интерес к названной проблеме не ослабевает. Публикация результатов лингвокультурологических исследований на материале русских диалектов (Т. Б. Банкова, О. И. Блинова, Л. Г. Гынгазова, Т. А. Демешкина, Е. В. Иванцова, Г. В. Калиткина, В. М. Мокиенко, М. Э. Рут, Е. А. Юрина и др.) привела к формированию диалектной лингвокультурологии [2], предмет изучения которой достаточно широк, это, например, анализ категорий времени и пространства [3; 4], народно-поэтического стиля [5; 6], речевых жанров и языковой картины мира [7; 8], мотивированности и образности [9] и др.

В итоге в сфере диалектной лингвокультурологии выделились две ветви: НРК и народная (традиционная) языковая картина мира. Предмет настоящей статьи связан с НРК.

На сегодняшний день определён статус НРК как одного из **научных направлений** диалектной лингвокультурологии. В его рамках выделен ряд аспектов: **онтологический**, ориентированный на разработку терминосистемы научного направления; **лексикографический**, связанный с составлением словарей лингвокультурологического типа; **сопоставительный**, направленный на выявление общности и специфики слагаемых НРК в сопоставлении с другими типами речевых культур (элитарной, городской); **источниковедческий**, содержание которого обусловлено анализом источников феномена НРК; **лингвоэкологический**, связанный с выявлением способов сохранения НРК; **описательный**, охватывающий всё то, что связано с результатами исследований НРК [10. С. 8–13].

Объектом анализа в настоящей статье избран разряд сложных слов, компоненты которых соединены дефисом [далее: С-С], например: *зима-лето* ‘бе-

гония', *мать-мачеха* 'какалия копьевидная', *огонь-крапива* 'вид жгучей крапивы'. Примеры ограничены тематической группой наименований растений, что обусловлено источником их выборки – «Словарём фитонимов Среднего Приобья» [11].

Цель анализа – посредством комплексного рассмотрения избранных языковых единиц определить их лингвокультурологический статус и место в ряду других языковых единиц того же разряда.

1. Грамматическая характеристика С-С.

А. **Частеречный состав.** Преобладающее большинство анализируемых сложных фитонимов представлено именами существительными – нарицательными или собственными. Их модели:

а) нарицательных существительных – **сущ.-сущ.:** *капуста-толстомятка* 'капуста кольраби', *клевер-мышьяк* 'клевер горный', *царь-трава* 'чертополох курчавый';

б) нарицательных и собственных – *кипрей-иван* 'кипрей узколистный', *иван-чай* 'лабазник', *василиса-трава* 'василистник малый'.

В составе обеих групп С-С отмечена модель, содержащая частицы И и ДА: *зима-и-лето* 'бегония', *мать-и-мачеха*, *иван-да-марья* 'фиалка трёхцветная', а также модель с повторяющимися компонентами: *трава, мак, чай, лук* и др., что наблюдается как у разных наименований растений, например: *казак-трава* 'горечавка', *дурман-трава* 'дурман обыкновенный', *мураш-трава* 'гречиха птичья', так и у фитонимов с видовыми значениями, например: *мак-самосейка*, *мак-падалик* 'мак-самосейка', *мак-трусунец* 'то же'.

Реже представлены другие модели:

сущ.-глагол: *перекати-поле* 'травянистое растение', *покати-трава* 'то же';

глагол-местоимение: *не-тронь-меня* 'недотрога бальзаминовая'.

Б. **Род.** С-С, компоненты которых состоят из имён существительных, имеющих родовое значение, выражено вторым словом рассматриваемых единиц. В их числе С-С:

мужского рода: *горох-ползунок* 'ползучий горох', *иван-чай* 'лабазник', *пучка-дигиль* 'дягиль низбегающий';

женского рода: *репка-турнепка* 'турнепс', *чирьён-трава* 'вороний глаз';

среднего рода: *перекати-поле, покати-поле, зима-лето* 'бегония'.

В. **Число.** Значительная часть С-С обладает формой единственного числа, которая, как и родовое значение, выражается вторым компонентом сложного слова: *лук-слизун, тыква-перехватка* 'сорт тыквы', *иван-да-марья*; формы множественного числа, или *pluralia tantum*, имеют единичные С-С: *корешки-марешки* 'пион уклоняющийся', *калачики-малачики* 'просвирник малый'.

Г. **Склонение.** Больше число анализируемых языковых единиц склоняемые, но наиболее частотной для них является исходная падежная форма – именительного падежа, менее частотной – винительного, например: *...она маленькая растёт, она травочка-муравочка. <...> А травочку-муравочку мы эту жевали, ели* [СФ. Т. 1. С. 69]. В тех случаях, когда в общении требуется использование С-С в косвенном падеже, его заменяет лично-указательное местоимение.

2. Лексико-семантическая характеристика. Сложным фитонимам присущи следующие свойства:

а) **номинативность**, связанная с обозначением предметов окружающего нас мира, в данном случае – мира растений;

б) **экспрессивно-стилистическая дифференцированность**:

нейтральные: *ковыль-трава* ‘ковыль перистый’, *вика-чечевика* ‘вика посевная’;

разговорные: *ванька-чай* ‘кипрей’, *травка-муравка* ‘гречиха птичья’;

эмоционально-экспрессивные: *травочка-муравочка*, *калачики-малачики*;

народно-поэтические: *травушка-муравушка*, *жар-цветок* ‘папоротник’, *календула-красота* ‘календула’;

в) **вариантность**, или **вариативность**: *горох-ползунец* и *горох-ползунок* ‘сорт гороха’, *лён-долгун* и *лён-долгунец*;

г) **мотивированность**: *не-тронь-меня* ‘недотрога бальзаминовая’, *зима-лето* ‘бегония’, *мак-самосейка*, *репка-турнепка* ‘турнеп’;

д) **образность**: *огонь-крапива* ‘вид жгучей крапивы’, *царь-трава* ‘чертополох курчавый’, *тыква-перехватка* ‘сорт тыквы’.

Всё вышеназванное даёт полное основание определить статус С-С как языковых единиц лексико-семантического уровня, примыкающих по своей структуре и свойствам к двусловным двусоставным номинациям типа *бычье сердце* ‘сорт помидоров’, *вороний глаз*, *волчья капуста* ‘чемерица’ и под.

Следовательно, анализируемые сложные слова, соединённые дефисом (С-С), обладающие свойством образности, входят в разряд слагаемых НРК с метафорами (*золотой* ‘цвета золота’), собственно образными словами (*змеиться* ‘витья, извиваться подобно змее’), двусловными номинациями (*царские кудри* ‘растение мальва’) и т.п. [9. С. 6–9; 12. С. 16–19; 13. С. 204–207; 14. С. 5–10], тем самым пополняя его состав.

Свойство образности С-С нередко раскрывается носителями диалекта. Покажем это на примере таких наименований растений, как *жар-цветок*, *иван-дамарья*, *мать-и-мачеха*, *царь-трава*, приведя соответствующие метатексты.

Жар-цветок ‘папоротник мужской’: [*Ромашка*] не любит тени так, как жар-цветок. Он-то, наверно, всё от людей прячется. Не хочет, чтобы цветок его огненный видели. Цветёт он один раз в год накануне дня Ивана Купала. Между листьями вначале вырастает светящаяся точка, она шевелится, растёт, а ровно в полночь с ярким треском лопается и появляется светящийся ярким светом цветок, при этом гром грохочет и молнии лес освещают, как днём. Потому и зовут его жар-цветок [СФ. Т. 2. С. 72].

Иван-дамарья ‘бегония фуксиевидная’: А вот это в простонародье, порусски, иван-дамарья, [назвали так] потому, что на одном цветке у него один цветок мужской, один женский. Вот красивый какой. Мужской цветок только вот распустился, а женский цветок букетом стоит, таким красным расцветает букетом. На одном цветке вот этом два разных [СФ. Т. 1. С. 30–31].

Иван-дамарья ‘марьянник’: У нас ещё есть синенько-жёлтенький цветочек, называют его иван-дамарья. Край полосы растёт. Он назван так, говорят старые люди: «Жили в деревне парень с девушкой, уж сильно хорошо они ходили друг за другом и любили друг дружку. Но не суждено им было вместе жить, родители разлучили да злые люди помогли. Собрались они и

вон с крутого берегу <...> и бросились в омут». Ну вот за их дружбу и назвали цветок. На одном цветочке жёлтеньки и синеньки цветочки. Вот и цветы назвали иван-да-марья [СФ. Т. 2. С. 44]. «Вот есть иван-да-марья». – «А почему так называется, не знаете?» – «Знаю, доченька, знаю! Как же мне не знать, сколько живу, и не знать! Я ещё это от мамочки, от бабушки слыхала. Об этом цветке такая легенда ходит. Пошли как-то в лес по грибы Иван да Марья. Тут началась гроза, сверкает молния. Страшно. А спрячется-то негде. Вот Иван и загородил собой Марью. Гроза прошла. Иван да Марья домой вернулись. А в этом месте, где Иван спасал Марью, выросла трава с фиолетовыми листочками, которые, как Иван Марью, защищали от грозы жёлтые цветочки. Вот и название отсюда пошло [СФ. Т. 2. С. 46].

Мать-и-мачеха: Ну, первой появляется мать-и-мачеха. Вот сначала цветочки, а потом листья. Называется так потому, что вот нижняя [сторона листа] тёпленькая – это мать, а верхняя вот гладенькая. Она холодная. Называется мачеха [СФ. Т. 2. С. 46]. Ну вот ещё мать-и-мачеха растёт. Большие по суглинкам. У ней верхняя сторона гладкая и холодная. Она называется мачеха. А по-моему, книзу лист мягонький, пушистенький. Это мать. Поэтому её так прозвали [СФ. Т. 2. С. 46]. <...> Про эту, как её, твою мать-и-мачеху вспомнила, у нас маменька всегда про её говорила, что она с одной стороны мягкая, как мама, а с другой жёсткая, как мачеха, вот и название такое замудрёное [СФ. Т. 2. С. 46]. Мать-и-мачеха <...> У ей одна сторона холодна, хоть и солнышко грет, а друга всегда тёплая, как мать. Значит, которая холодна – мачеха [СФ. Т. 2. С. 46].

Царь-трава ‘чертополох курчавый’: Царь-трава, потому что не подойдёшь – колюча. Клади в умывальник апилепсику, чтоб умылся и не знал. Рукой простой не возьмёшь [СФ. Т. 1. С. 46–47].

Образные языковые единицы составляют два класса: класс **языковых метафор** (ЯМ) – это вторичные образования, возникшие посредством метафоризации на основе уже существующих языковых единиц, и класс **собственно образных** языковых единиц, появившихся в процессе номинации с метафорическими составляющими [9. С. 5–7].

По средствам выражения образности исследуемые С-С принадлежат к классу собственно образных слов. Их специфика заключается в том, что из двух компонентов сложного фитонима образным является либо один из них, например: *горох-ползунец*, *горох-поползунчик* – сорт гороха, *лук-севок*, *лук-резник*, *лук-семейка*, *лук-слезун* – сорта лука, либо оба компонента характеризуются образным значением, например: *зима-лето* ‘бегония’, *иван-да-марья* ‘марьянник’, *царь-трава* ‘чертополох курчавый’.

Каждая языковая единица, наделённая свойством образности, обретает в лингвокультурологическом аспекте ту или иную характеристику в зависимости от сферы, которой уподобляется обозначаемое, например, осуществляется уподобление человеку, природе, растениям, животным, пространству, артефакту и так далее [15. С. 12–14], что выражается посредством лингвокультурологических помет соответственно: «олицетворение», «натуроморфизм», «фитоморфизм», «зооморфизм», «локоморфизм», «артефактоморфизм» и др.

В двусловных фитонимах с одним образным компонентом лингвокультурологической пометой отмечается один, образный, компонент, в двусловных

фитонимах с обоими образными компонентами – два. Далее приводятся примеры С-С в сопровождении лингвокультурологических помет, данных в сокращении (см. условные сокращения в конце статьи).

МАТЬ-И-МАЧЕХА. Олиц./Олиц. Мать-и-мачеха обыкновенная. – *Про мать-и-мачеху слыхала я: мать – внизу [листа] тёплая, мягкая – мать, вверху [листа] гладкая – это мачеха. Мачеха-то неласковая, а там-то ласкова, бархатна, это-то мать, а это тётка* [СФ. Т. 2. С. 46].

ИВАН-ДА-МАРЬЯ. Олиц./Олиц. Бегония фуксиевидная. – *А вот это в простонародье, по-русски, иван-да-марья, потому что на одном цветке у него один цветок мужской, один женский. Вот красивый какой! <...> На одном цветке вот этом два разных* [СФ. Т. 1. С. 30–31].

ГОРОХ-ПОЛЗУНЕЦ. Олиц. Сорт стелющегося, как бы ползущего гороха. – *Горох-ползунец. У него стручки меньше, кверху не растёт, по полу разъезжается, по грядке* [СФ. Т. 1. С. 64].

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ. Олиц./Локом. Растение, перемещаемое ветром, которое как бы катится. – *Перекати-поле, я её видела <...> она безлистная, на её листьев совсем мало, когда она переспеваает и на её ветром срывает, и она катится, вот перекати-поле* [СФ. Т. 2. С. 152].

РУКА-ТРАВА. Олиц./Фитом. Ятрышник, по форме напоминающий руку. – *Рука-трава, полметра, цвет розовенький, корень похож на руку, как рука обыкновенная* [СФ. Т. 3. С. 67].

ЖАР-ЦВЕТОК. Натур. Папоротник, с цветком огненного цвета. – *[Ромашка] не любит тени так, как жар-цветок. Он-то, наверное, всё от людей прячется. Не хочет, чтобы цветок его огненный видели* [СФ. Т. 2. С. 72].

ИВАН-ЧАЙ. Олиц. Кипрей узколистный, получивший название согласно легенде. – *Был такой парень Иван, гулял он в красной рубаше на опушке леса, среди цветов, кустарников. Ну а жители как увидели красный цвет там, так и сказали: «Да это Иван, чай, ходит». А потом он исчез, парень-то, а цветы-то остались. С них ещё чай пьют* [СФ. Т. 1. С. 119]. *Иван-чай вот по-научному кипрей называют. А знаете, почему так назвали? Иван потому что его нашёл и заварил первый чай* [СФ. Т. 1. С. 118].

МУРАШ-ТРАВА. Зоом./Фитом. Гречиха птичья, травянистое растение с мелкими, словно муравьи, цветками. – *Кто только эту траву не ест! Она мелкая и цветёт розоватенькими цветочками, маленькие-маленькие* [СФ. Т. 1. С. 68].

Сложные слова с дефисом пополняют фонд НРК. Кроме необычной, своеобразной структуры и её графического оформления, среди них мы найдём фитонимы с внутренней рифмовкой, сопровождаемой ритмикой (вика-чечевика ‘вика посевная’, репка-турнепка ‘турнепс’, корешки-марешки ‘пион’, купёна-лупёна ‘купёна’), при этом народная фантазия привлекла наряду с известными словами – придуманные (сенти-бренти ‘незабудка лесная’, слён-маслён ‘паслён чёрный’, калачики-малачики ‘просвирик маленький’).

Высокое, народно-поэтическое звучание придаёт диалектной речи такой набор разнообразных вариативов эмоционального спектра, как наименования гречихи птичьей: травочка-муравочка, травынька-муравынька, травушка-муравушка. Сколько вложено в них любви и нежности! Своеобразный гимн русской природе... И как органично они вплетаются в разные фольклорные

жанры – сказки, песни, частушки: *Травынька-муравынька, / не я косила – мамынька, / по лужку ходила / к милому дружку.*

Поражает широта синонимического и вариативного воплощения в номинацию одного лишь растения. Та же гречиха птичья удостоена только в пределах Среднего Приобья сорока трёх обозначений: однословных (*придорожник*), двусловных номинаций (*гусиная трава*), С-С (*мураш-трава, трава-мурава, травка-муравка* и др.). В этом нашёл отражение процесс всестороннего народного познания мира растений.

Список условных сокращений

зоом. – зооморфизм
 локом. – локоморфизм
 натур. – натуроморфизм
 НРК – народная речевая культура
 олиц. – олицетворение
 сф – словарь фитонимов
 фитом. – фитоморфизм

Литература

1. Толстой Н. И. Язык и культура: (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1. С. 5–22.
2. Блинова О. И. Областной словарь как источник изучения народной речевой культуры // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М., 2002. С. 134–139.
3. Калиткина Г. В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 296 с.
4. Смолякова Н. С. Пространственные лексические единицы в лингвокультурологическом аспекте (на материале говоров Среднего Приобья): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Томский государственный университет. Томск, 2006. 29 с.
5. Мартынова С. Э. Народно-поэтический стиль диалекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Томский государственный университет. Томск, 1992.
6. Найдён Е. В. Функции мотивационно связанных слов в народно-разговорной речи (на диалектном материале): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Томский государственный университет. Томск, 2001. 22 с.
7. Казакова О. А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2007. 200 с.
8. Гынгазова Л. Г. Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и её реинтерпретация исследователем // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 295. С. 15–19.
9. Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О. И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 312 с.
10. Блинова О. И. Народная речевая культура: статус и аспекты исследования // Русская речевая культура и текст: Материалы VI Междунар. науч. конф., 25–27 марта 2010 г. Томск, 2010. С. 8–13.
11. Арьянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья / ред. О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. Т. 1. 144 с.; 2007. Т. 2. 160 с.; 2008. Т. 3. 192 с.
12. Блинова О. И. Двусловная номинация как образная единица словаря // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманит. науки. Филология. 2011. № 3 (105). С. 16–19.
13. Блинова О. И. Образные средства языка как феномен речевой культуры // Традиции и инновации в лингвистике и лингвистическом образовании: Сб. статей. Томск, 2009. С. 204–207.
14. Блинова О. И. Слагаемые народной речевой культуры // Язык и культура. 2009. № 2 (6). С. 5–10.
15. Словарь образных слов русского языка / авт.-сост. О. И. Блинова, Е. А. Юрина. Томск: UFO-Plus, 2007. 364 с.